

Однажды утром я ехал в автобусе на работу. Сидел у окна на третьем сидении и наблюдал, как мальчик лет шести, этакий живчик, то и дело вскакивал на сидение на ноги, поворачивался к нам и «расстреливал» очередную жертву из игрушечного пистолета, который трещал как автомат, что вызывало у малыша открытый «телячий» восторг. Многие не обращали внимания на малыша, но мама, такая стильная брюнетка, в модной шляпке, все время дергала его за рукав, призывая шалуна сесть и успокоиться. Но тот опять вскочил в поиске очередной жертвы и вдруг остановил взгляд на мне. Очень уж не хотелось мне быть расстрелянным даже из игрушечного пистолета, и я взял и показал ему язык. Ребенок замер в изумлении, тараща на меня глазенки, и вдруг громко на весь автобус сказал;

— Мам. А вот там сидит тот дядя, который ночевал у нас, когда папа был в командировке. Я чуть не сгорел от стыда, но меня выручила его мама. Она внимательно посмотрела на меня и ответила:

— Нет, милый! Это не тот дядя»;

Автобус грохнул звонким смехом. Я был готов провалиться на своем месте и, вжав голову в плечи, пригнулся, избегая взгляда малыша.

Позади меня раздался ехидный смешок: «Чует кошка, чье мясо съела»». До работы было еще далеко, но я решил покинуть этот столь коварный для меня поворот судьбы и вышел на остановке. Они тоже вышли из передней двери и малыш в упор уставился на меня:

— Нет, мам»;

— Нет! Прекрати! — ответила мать и направилась ко мне?

— Виталий? Неужели это ты? — она подошла вплотную и положила руку в модной кожаной перчатке на мою подрагивающую руку. И тут я узнал ее. Это была наша всеми признанная в гарнизоне красавица Лилия Аракелян, жена подводника на одном из атомобусов Ашота Аракеяна.

— Лилечка! Прости меня. Сколько лет, сколько зим? Мы не виделись с тобой

— Да уже проскакало более десяти»;

Она, конечно, изменилась, превратившись из двадцатилетней красавицы — хохотушки в тридцатилетнюю. Женщину, блистающую все той же красотой: с этими пухлыми, навывкате губами, голубыми глазами, вот только фигура из 90—60—90, стала, пожалуй, на все сто в тазу., Но это не портило ее красоты, и делала еще более притягательной, так как эта многим желанная часть женского тела казалась некоторым ухажерам более доступной. Но особенно критичным мужикам, она подсказывала то, что время, не щадит никого, и делает свое черное дело, пододвигая всех людей все ближе и ближе к неизбежной старости»;

Но многие верили, что Лилию это не касается, что ее красота будет вечной и именно такой, как сейчас. Она была особенно хороша., так как из шустрой непоседы девчонки-певички, поющей под гитару цыганские романсы, она превратилась в спокойную, статную женщину, которой и сейчас многие мужчины продолжали с вождением смотреть вслед, ощупывая ее лицо и фигуру жадными глазами.

— Ну, а как твой Ашот? Небось, уже каперанг и командует атомобусом? — не унимался я, целуя ее в розовую щечку.

— Что ты, Вит! Он давно нас оставил»;

- Неужто разошлись?
- Да нет! Он так меня любил, как никто на свете»;
- Так куда же он делся?
- Ты помнишь лодку Ковшаря?
- Это та, которая бесследно исчезла, уйдя на боевую службу?
- Именно»;
- Расскажи подробнее»;
- А ты приходи ко мне вечером со своей Людмилой, так все вам и выложу. Кстати, как она? Все также прельщает мужчин своими чудо-ножками?
- Эх, Лилечка! Если бы так»; Вот уже пять лет, как я схоронил ее. Жестокая болячка унесла ее на небо, — кивнул я головой вверх.
- Господи! Горе-то какое! Значит, Судьба обоих нас наказала за старые грехи, — нахмурилась она и одернула за руку сына, пытавшегося «выстрелить» из своего пистолета в перебежавшего дорогу кота.
- А где же ты живешь? И как попала в наш южный белокаменный город «У самого синего в мире»; «?».

Лиля дала мне адрес и пригласила в гости с новой моей молодой супругой.

Вечером я рассказал своей Светлане об этой встрече и предупредил, чтобы она была в форме, сказав, что Лиля до сих пор придерживается современной моды и любит ухоженных женщин. Я шел домой и невольно вспоминал время нашего знакомства с гостеприимной семьей Аракелянов. Ее Ашота я знал по совместной службе в далеком дальневосточном поселке Тихоокеанском (или, как мы называли в «Техасе») где он служил в дружном коллективе подводников-атомников, а я, командуя химбазой, обеспечивал их. Именно у меня тогда его жена впервые ступила на трудную, но нужную работу, по подготовке их сумбарин к боевой стратегической службе, оберегая всех нас от огня холодной войны, которую мы не позволяли превратить в войну горячую. С первых же дней Лиля стала душой нашего дружного коллектива.

Моя часть находилась в ложбине между сопок по обе стороны бежавшей небольшой речушки с раками, мальками пеструшки и форели. Как-то меня проверяла пожарная инспекция и отразила в акте недостаточное количество воды в противопожарных емкостях. Встал вопрос о создании противопожарного водоема. Я крепко ломал голову над внедрением этой идеи, и тут на помощь пришла Лиля. Она как-то зашла в мой кабинет, распаренная лучами летнего солнца и, выпив прохладной воды только что принесенной из глубокого колодца, вдруг выложила свое предложение оборудовать бассейн для купания прямо на территории части. Действительно. Идея вскорости была воплощена в жизнь. Пригнали мы от соседей бульдозер, он лихо, в течение дня вырыл рядом с руслом речушки трехметровой глубины котлован размером тридцать на пятьдесят метров, запустили мы туда речную воду и бассейн был готов. Осталось только оборудовать его деревянными лежаками, обеспечить не только наполнение, но и слив воды, как первыми купальщиками в этом бассейне оказались перелетные утки. Женщины были в восторге.

Они каждый двухчасовой обеденный перерыв проводили на берегу водоема, купались, загорали, а пацанва ловила рыбешку на мелководье. Прослышала моя жена о таком «чуде» и как-то отпросившись у своего начальника в штабе соседней части, приехала к нам искупаться. Когда Людмила разделась и оказалась в голубом купальнике с ветками белой сирени,

отображенными на нем умелыми руками японских умельцев, то все мои женщины были сражены наповал. Пошел за моей спиной бабский ропот, что мол «шеф» для своей «любимой» вон какой купальник в Находке оторвал, который нам и не снился. И тут всех выручила несравненная Лиля, которой никто из мужчин не имел смелости отказать в какой-нибудь просьбе. Вечером, незадолго до отхода нашего автобуса, она вошла в мой кабинет и, уперев руки в бока, ехидно проворковала. «Это как же получается, товарищ командир, своей жене такой купальник «оторвали», какой нам и не снился. Мы что? Хуже вашей жены?!» Пришлось мне поднять руки и заявить, что на следующей неделе еду в Находку и с удовольствием возьму ее с заказами для девчат. Э

то надо было видеть, как Лиля выбирала купальники на оптовой базе, а сколько штук она перемерила на себе и не счесть. Короче, ее долго носили на руках наши женщины, которые загорали и плавали в нашем водоеме, как русалки, хохоча и дразня мужчин. Мой же авторитет среди женского коллектива был поднят на небывалую высоту, а Лиля законно получила титул лучшей женщины в моем хозяйстве и первой красавицы в гарнизоне. Танцую со мной на балу в доме офицеров в честь праздника 8-е марта, Лиля так прижимала меня к себе, утюжа мою грудь своими шарообразными округлостями на груди, что я краснел, видя ревнивые взгляды моей супруги, с которой танцевал сам адмирал подводников. Ашот тоже хмурился и что-то шептал ей на ухо, когда я услужливо усадил проказницу рядом с мужем. Лиля понятливо кивала, потом посмотрев на мужа в упор, спросила: Все?». Тот услужливо кивнул. Лиля вскочила со стула, схватила свою подружку-гитару и ударила по струнам:

— Что будем петь? — воскликнула она, обводя всех насмешливым взглядом.

— «Очи черные»,

— предложил адмирал и захлопал в ладоши. Чарующие звуки гитары и низкий женский голос певицы слились воедино. Не успела Лиля закончить песню, как пришел рассыльный и что-то прошептал Ашоту на ухо. Тот быстро встал, извинился и пошел к выходу с рассыльным. Лиля только закончила петь, пожиная громкие аплодисменты, как у ее стола объявился начальник ДОФа и, поклонившись, предложил ей осмотреть новый рояль, только что поступивший в ДОФ вместе с партией музыкальных инструментов. Лиля извинилась и ушла с офицером. Появилась она только минут через тридцать. Глаза у нее ярко горели.

— Ну, как инструменты? — прошептала моя жена в ухо подруги.

— Пока не знаю. Но у него инструмент, что надо. Работает, как отбойный молоток у шахтера,
— улыбнулась красавица в ответ.

Моя Людка обидчиво поджала губы. Видимо считала, что только ее должен был пригласить начальник ДОФа, тем более она выглядела настоящей леди., не то, что эта модная птичка — певичка, нахапавшая себе целую дюжину модных купальников. Заметив в глазах подруги завистливые искорки, Лиля нагнулась к уху Людмилы:

— Зря ревнуешь меня, подруга. Он и тебя хочет. Сейчас придет его мичман-завхоз и пригласит тебя. Так что с Богом, подруга. Так оно и случилось. Но Людка вернулась к столу только через час.

— Что так долго? — спросила Лиля.

— Работали, — улыбнулась в ответ подруга и приветливо потрепала ее за плечо

— А он мужик, что надо! Не так ли? — спросила Лиля, нагнувшись к уху подруги.

— Не знаю, не знаю, — коварно ответила та, — музыкальные инструменты явно не мой шарм,
— съязвила та и опять потрепала ее за плечо.

Спустя полгода, я возвращался из командировки и со мной в одном купе вагона оказался мичман Селиверстов, завхоз ДОФА, которого на партийном бюро едва не исключили из партии за использование музыкальных инструментов не по назначению. А дело было так. Жена начальника политотдела дивизии попросила мичмана дать ей недавно полученный рояль на время, пока не отремонтируют ее собственный. Дочь у адмиральши училась музыке, и инструмент был очень нужен. Мичман согласился. Но нашелся «молодец», который быстро настроил кому надо злостную депешу по разбазариванию народной собственности и дело дошло до прокурора. Но на партийном бюро гарнизона, членом которого был я, пришлось привести кое-какие аргументы в пользу мичмана, который отделался строгим выговором. Переполненный чувством благодарности, мичман как-то подкараулил меня возле моего дома и сказал:

— «Большое вам спасибо за правоту, товарищ капитан 3-го ранга и вручил мне в конверте кассету к видеомэгнитофону, прошептал: «Только для вас. И чтобы никто об этом не знал. Видел только я, но для других могила»… Этот подарок, я решил посмотреть на работе во время обеденного перерыва, закрывшись в кабинете. Сначала шли кадры застолья в ДОФЕ на 8-е марта, затем танцы и вот: незнакомая комната, заполненная музыкальными инструментами. А вот и наша краса-девица в обнимку с начальником ДОФА. Сначала они распили бутылочку шампанского, затем он поставил Лилю на крышку рояля, сам сел за рояль и потекли нежные звуки «Ночь коротка…». Лиля сначала пела, извиваясь всем телом, потом стала раздеваться, сбрасывая с себя элементы белья под громкие аккорды рояля. Оставшись совершенно голой, только в туфлях, она стала танцевать на рояле, постепенно приближаясь к молодому капитану третьего ранга. Тот уже играл стоя, одной рукой ударяя по клавишам, а другой, прижимая красавицу к себе, целовал ее в пупок, затем уложил животом на крышку инструмента, залез тоже голый на женщину сзади и стал вставлять.

Это ему удалось быстро сделать, так как предмет любви никакого сопротивления не оказывал, а только подмахивал ему попой. Он драл ее так, что женщина едва не свалилась с рояля, наконец, издал утробный звук сраженного слона, выхватил член и стал окроплять женское тело белой, пульсирующей жидкостью. Та, размазывая ее по теле, улыбалась ему в ответ с выражением на лице преданной собаки. Затем он обтер ее тело ее же белыми трусиками и передал ей, которые она надела. Я смотрел, и член у меня стоял колом. Никогда ранее я не испытывал такого удовольствия от созерцания такого грубого полового акта с такой культурной и нежной женщиной. На следующих кадрах вдруг появилась моя жена. Ее быстро раздели два дюжих голых молодца и стали драть один сзади в попу, а другой спереди — прямо в рот. Мелькнуло перекошенное от похоти и лицо начальника ДОФА, который давал полезные советы, как лучше драть одну из первых леди по красоте в гарнизоне.

Выражение лица у нее было похотливо-согласное. Она услужливо поправляла рукой вставленный член, направляя его в нужном направлении. Молодцы драли ее мнут пятнадцать, затем одного из них заменил начальник ДОФА. Он приблизил своего «молодца» прямо к ее приоткрытым губам. Та сначала поцеловала его, а потом начала сосать с таким вкусом, будто это был шоколад. Сука! Со мной она этого никогда не делала, говоря, что она честная женщина и ей чужды эти плотские штучки. Он драл ее в рот с остервенением, не жалея, как продажную суку за большие деньги, а парень сзади, слив ей в задницу, вынул своего «Бегемота» и вставил в отверстие ниже. Баба застонала от удовольствия и так стала энергично насаживаться на этот живой кол, что тот не выдержал и тут же расплакался.

Парень ушел, довольно улыбаясь, а офицер усадил мою ненаглядную на крышку перед собой, уложил ее на спину, раздвинул колени, приник ртом к заветному месту и стал сосать. Делал это он очень профессионально, придавая женщине максимальное наслаждение, в результате чего, та крикнув, словно раненая птица, ответила ему выброшенной струей и тут же встала.

— Все! Хорошего понемножку! — твердо сказала она и стала одеваться. Затем повертелась у зеркала, наводя положенный макияж, с презрением оглядела голого мужика, растерянно хлопающего ресницами, продолжила:

— Бадью, мальчики! До следующих встреч. Меня муж уже заждался, — и, помахав дяде ручкой торжественно удалилась, словно шагала по подиуму, как потрясающая супер-модель. Да. Это была моя любимая, развратная Людка, с осанкой королевы, презирующая этих несчастных половых гладиаторов.

Затем на экране появился мичман Селиверстов, сказавший, что его вынудили записать этот компромат, но он не отдал, пояснив, что запись не удалась, предъявив заказчику ранее испорченную кассету, а мне передает ее, чтобы я не выглядел ничего не знающим профаном — Так размышлял я, — а все же моя жена молодец. Она истинная леди, ненавидящая таких профанов из племса, хотя и не отказывается от плотских игр с ними., заказанных для своего удовольствия. А мичман — молодец. Ишь как все повернул. Сообразительный. Не зря около своего начальства трется. Забрать бы его к себе, так не отдадут же природы. Им самим такие рабы нужны; Подумал я и о том, что все мы люди — грешники.

Как говаривал Блок: «Мы любим плоть, и цвет ее и запах». И еще я понял, что если мы, мужья, будем ограничивать свои плотские утехы даже по команде наших жен, всегда будем вторыми, их надо трахать так, чтобы пыль стояла столбом, чтобы они усыкались от удовольствия, ибо если это не будем делать мы — мужья, то это будут делать за нас их любовники, которым глубоко начхать на нежность их души, их таланты и способности, ибо в эти мгновения сексуальных душу раздирающих чувств, человек звереет и видит у женщины только желанную дырочку, в которую ему так хочется засунуть свой твердый член. А член должен быть действительно твердым, ибо мочалка тут не проходит, о твердости члена надо заранее позаботиться, не пить горькую сверх меры, ибо пока ты будешь пьянеть, твоя баба в руках другого мужика будет звереть вместе с ним. Такие выводы я сделал тогда очень давно и потом не раз убеждался в их правоте.